

В. В. Краевский¹**КСЕНОФОБИЯ КАК БОЛЕЗНЬ ОБЩЕСТВА И СРЕДСТВА ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ**

Продолжая тему прошлогоднего выступления на Лихачевских научных чтениях², рассмотрим в этом сообщении один из важных, в значительной мере педагогических, аспектов проблемы диалога культур — предупреждения и преодоления главного препятствия на пути такого диалога и сближения культур — ксенофобии. Люди, которым небезразлична судьба России и мира, независимо от их конфессиональных убеждений и философской ориентации (и либералы, и клерикалы) считают ее опасным «недугом» индивидуального и общественного сознания. Болезнью назвал ксенофобию Патриарх Московский и всея Руси Кирилл³.

По общепринятому научному определению ксенофобия — это «негативная установка, иррациональный страх и ненависть к чужакам. Объектами ксенофобии могут быть как конкретные группы — представители чужой религии (иноверцы), расы, племени или нации (иноплеменники, инородцы), государства (иностранцы) и тому подобное, так и вообще все “чужие” (“обобщенный Чужой”), по выражению известного российского социолога Ю. Левады»⁴.

Проблема профилактики и преодоления ксенофобии неизбежно возникает в контексте изучения возможностей и условий диалога культур в современном обществе. Первое, что необходимо выяснить, — какова природа ксенофобии, ее происхождение и формы проявления в современном обществе. Это инстинктивный, изначально не осознанный комплекс в виде психологической фобии, то есть нелюбви, нетерпимости к не своему, чужому? При этом неприязнь обусловлена не выявлением отрицательных качеств объекта, а отличиями объекта фобии от субъекта, непохожестью одного человека на другого. Существует предположение, что человек обретает инстинктивную враждебность не при жизни, а получает ее по наследству, генетически — от предыдущей, дочеловеческой стадии.

Степень наличия или отсутствия этого, в сущности, инстинктивного чувства — показатель «окультуренности» человека или какой-либо общности, в которую он входит. Простой ответ на вопрос: «Зачем нужна культура?» звучит так: «Чтобы человек уцелел сам и помог уцелеть другим».

Однако простые ответы не самые надежные. Преодоление ксенофобии — общественная, а не только личная задача. Существуют грани этой проблемы, невидимые с первого взгляда. В своей публикации И. С. Кон приво-

дит пример временной «приостановки» ксенофобии, проявляющейся в форме национализма, у футбольных фанатов, болеющих за национальную команду, когда они принимают за своих играющих в этой команде разноцветных «чужаков»⁵.

Сомнение в генетической предрасположенности к этому унижающему человека чувству появляется при чтении получившей в свое время широкую известность статьи известного ученого-генетика В. П. Эфроимсона, в которой автор доказывает, что в человеческих существах генетически заложены некие этические качества, далекие от примитивной «пещерной» ксенофобии⁶.

В то же время проявления ксенофобии на разных уровнях — бытовом, общественном и государственном — очевидны, а их последствия для отдельных народов и человечества в целом пагубны и долгосрочны.

А. Муравьев предлагает различать два явления: инстинктивную ксенофобию — неосознанный социальный рефлекс и ксенофобию-идею — идеологию этнической вражды⁷.

Идейная форма ксенофобии связана с проявлением индивидуальных эмоций на уровне идеи. В отличие от инстинктивной ксенофобии, она не социальный рефлекс, а политическая идея, возникающая во времена испытаний и страданий, в пору потрясения государственных основ и народной жизни.

Поскольку инстинктивная ксенофобия есть часть архаических социальных инстинктов, правильным способом отношения к ней следует считать культурную рефлексию. Выявляя ущербность или недостаточность враждебного отношения к «чужакам», культура делает возможным осознание этой недостаточности и ее преодоление. Чем более гласным и очевидным становится присутствие ксенофобских элементов в культуре или политике, тем менее они будут оказывать эффект. Бороться нужно не столько с рефлексамми, сколько с идеями.

Однако обращение к культуре позволяет не только лечить болезнь в запущенной форме, но и предупреждать ее появление. Просвещение «заблудших» через СМИ, показательные суды над фашиствующими убийцами таджикских детей были бы полезны, но, к сожалению, они не могут исправить непоправимое, когда преступления, порожденные ненавистью, уже совершены. Возможна ли социальная профилактика этого тяжелого заболевания, даже если признать его врожденный характер? Опыт последнего времени доказывает, что это возможно.

¹ Академик РАО, главный научный сотрудник Института управления образованием РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор.

² Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 404–406.

³ Российская газета. 2007. 9 марта.

⁴ Кон И. С. Ксенофобия // Кругосвет–2008 : энцикл. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

⁵ Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д, 2006. С. 82.

⁶ Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. 1971. № 10. С. 198–213.

⁷ Муравьев А. Ксенофобия : от инстинкта к идее // Отечественные записки. 2004. № 4 (18).

Совсем недавно мы были свидетелями «чудесного» излечения наиболее тяжелой формы ксенофобии — расизма. В Америке, где еще вчера (по историческим временным меркам) процветали суды Линча, а чернокожим запрещалось садиться в один автобус с белыми, президентом страны избрали представителя именно этого этнического меньшинства. Слово «чудесное» употребляется в кавычках, потому что на самом деле это вовсе не чудо. Была проведена трудная массовая работа по осуждению расизма на всех уровнях и во всех общественных и государственных учреждениях, в науке и искусстве, наконец, в быту, чтобы «чудо» свершилось. Но главное — в школе. Новое поколение избирателей получило образование, свободное от проявлений ксенофобии в форме расизма — «чумы» XX века.

Избавление от ксенофобии важно для нашей страны и народа в современных условиях. Существование Российской Федерации зависит от успеха этого дела. Здесь возникает самый трудный вопрос. Уже много было сказано и написано в ответ на первый вопрос: «Кто виноват?» и совсем мало — на второй: «Что делать?»

Ответ найти не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего не нужно закрывать глаза на то, что ксенофобия в России существует. Известно, как полезно дьяволу неверие в его существование. Нужно показать ксенофобию во всех ее проявлениях и последствиях, публично «пригвоздить» к позорному столбу, развенчать в книгах, газетах, театре, кино, на телевидении. Тем самым вызвать стремление к культурной рефлексии. Но главное — предупредить появление болезни на начальной стадии — в школе.

Культурную рефлексию могут осуществить люди, приобщенные к культуре во всей ее полноте, а не только к основам наук. Пора прекратить разговоры о сокращении, а фактически о сведении на нет гуманитарной части образования. Успехи в почитаемых по праву учебных предметах: математике, физике, химии — не дадут знаний о ксенофобии и ее антиподе — толерантности, не научат школьников презирать первую и поощрять вторую. Следует задуматься о том, случаен ли тот факт, что среди убийц, преследующих «чужаков» за «не тот» цвет кожи или разрез глаз, так много несовершеннолетних, то есть школьников.

Конечно, нет панацеи от всех болезней, в том числе и этой. И толерантность тоже явление многослойное. Всегда и ко всем ли надо быть терпимыми? К фашистам, к нацистам — никогда! Но об этом нужно знать, говорить. И все же терпимость — это лекарство. Однако о программе воспитания толерантности, принятой несколько лет назад Министерством образования РФ, о том, какие принимаются меры, ничего не известно.

Что касается теоретической части проблемы, то она в значительной степени прояснена. Сформирована куль-

турологическая концепция содержания образования, главные характеристики которой были изложены на Международных Лихачевских научных чтениях в 2008 году. Результатом организации образовательного процесса в соответствии с этой концепцией должно быть становление человека, в частности, терпимого к представителям других культур и национальностей, независимого в суждениях, открытого для иного мнения и неожиданной мысли, способного не только действовать внутри наличной социальной структуры, но и изменять ее.

Именно эти качества характеризуют человека, толерантного по отношению к представителям других взглядов, иной национальной, государственной или религиозной принадлежности.

В русле личностно ориентированного обучения, естественным образом сочетающегося с культурологическим подходом к содержанию образования, диалогическая форма учебной работы — единственно возможная при трансформации социального опыта в опыт личный. Способы организации такой работы хорошо известны преподавателям средней и высшей школы.

Примером служит применение сократического метода, предполагающего широкое использование диалога. Сущность метода состоит в следующем. *Во-первых*, учитель и ученик в диалоге приходят к согласию в общем предмете обсуждения. *Во-вторых*, собеседники отыскивают среди разных случаев то общее, что является определяющим для частных, то есть формулируют определение понятий. *В-третьих*, в ходе диалога применяется внутренний критерий истинности возникающей мысли, то есть осуществляется проверка, согласуется ли она сама с собой и с вытекающими из нее следствиями или нет. *В-четвертых*, в процессе целенаправленной социализации ученик является не только объектом, но и субъектом образовательной деятельности в той ее части, которая относится к его собственному учению. Он выступает в этом качестве в первую очередь в реальном диалоге с учителем, и это дает ему возможность проявить личностное отношение к учебному материалу, своим товарищам. Воспитанник — субъект эмоционально-ценностных отношений, возникающих в процессе межличностной коммуникации, осуществляемой в диалогической форме.

Следует подчеркнуть, что эффективной такая работа может быть не в любом случае, а только в единстве с содержанием образования, построенным в соответствии с ориентирами, позволяющими реализовать диалог культур и как средство образовательной деятельности, и как ее цель. Естественно, для ксенофобии и ее проявлений, хотя бы на бытовом уровне, в процессе такой работы просто нет места. Она готовит к диалогу, обсуждению, обмену мнениями, а не к межличностным или межэтническим конфликтам.